

С.В. ЛУРЬЕ

В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения (Методология *Grounded theory* в практическом исследовании)

В статье методология обоснованной теории (*Grounded theory*) как формы качественного исследования в социологии применена к изучению представлений о межэтнических и внешнеполитических отношениях среди молодежи Санкт-Петербурга. Автор делает ряд выводов о преемственности и разрывах в восприятии межнациональных отношений в прошлом и современности, в частности о влиянии советской традиции “дружбы народов” и отсутствии у молодежи цельного образа “Запада”.

Ключевые слова: межнациональные отношения, международные отношения, обоснованная теория, категории.

In article the methodology of the Grounded theory as form of qualitative research in sociology is applied to studying of representations about interethnic and interstate relations among youth of St.-Petersburg. The author makes a number of conclusions about continuity and ruptures in perception of international relations in the past and the present, in particular, about influence of the Soviet tradition of “friendship of the peoples” and absence at youth of an integral image of the “West”.

Keywords: interethnic relations, interstate relations, Grounded theory, categories.

В условиях значительного притока мигрантов в крупные города России их жители во многих случаях до сих пор не могут сформировать новые, приемлемые с этической точки зрения модели межэтнических отношений. Параллельно с этим идет формирование модели российской внешней политики, представлений о принципах внешнеполитических отношений, наиболее полно отвечающих сущности России. Поскольку эти сферы представляются мне связанными (они относятся к восприятию русскими других народов), я рассматриваю эти две проблемы в комплексе, исходя из того, что положительная динамика в одной из вышеуказанных сфер приводит к положительной динамике в другой.

Если модели межнациональных отношений в значительной мере формируются спонтанно (но не произвольно, а исходя из представления людей о своем и других народах), то модели внешнеполитического действия в большей мере формируются конкретными людьми – дипломатами и экспертами (то есть эта сфера в значительной мере рукотворна). Поэтому я предполагаю, что создание системы внешнеполитических доминант, адекватных российскому мировосприятию, опосредованным образом может повлиять на стихию межнациональных отношений через формирование нового образа самовосприятия русских как субъекта деятельности по организации других

Лурье Светлана Владимировна – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

значимых субъектов. Таким образом, центральные проблемы статьи – установление корреляции между двумя названными сферами и *выявление механизмов их взаимовлияния в сознании людей,* в данном случае молодежи от 20 до 30 лет, так как именно их представления станут в перспективе основой для формирования внешней и национальной политики в России.

Объект и метод исследования

Объект исследования – динамика ментальных моделей, связанных с межнациональными и международными отношениями и представляющими собой различные аспекты *обобщенного культурного сценария* как интрапсихической динамической системы [Лурье, 2010]. Моя исследовательская задача – наблюдение за формированием и *взаимодействием* культурных сценариев, модернизацией той картины мира, в которой, согласно мнению Э. Боша, “отношения между различными материальными и идеациональными, ментальными содержаниями культурного поля действия системны” [Boesch, 1991].

Для изучения этноса с точки зрения обобщенного культурного сценария требуется методика, нацеленная на работу с *динамическими системами.* Для этой цели наиболее оправданной представляется методика *grounded theory,* претендующая на то, что учитывает весь внешний контекст, мир как динамическое целое, в которое вписан изучаемый процесс. Основная причина совместимости этой методологии с изучением обобщенного культурного сценария состоит в том, что *grounded theory* изначально рассматривалась ее создателями “как трансакционная диалоговая система”, как метод анализа, позволяющий “исследовать интеракционный характер событий... Обоснованная теория – это модель, ориентированная на действие” [Страусс, Корбин, 2001, с. 18].

Центральными моментами построения *grounded theory,* согласно А. Страуссу, являются процедуры кодирования: а) открытое кодирование; б) осевое кодирование; в) избирательное кодирование. Они представляют собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют, уже по-новому. Сбор первичного эмпирического материала начинается с проведения *глубинного интервью.* Затем выделяется ряд понятий, достойных дальнейшего осмысления. Следующий шаг – *формулирование категорий.* Понятия рассматриваются с точки зрения их соотнесенности друг с другом, выстраивается иерархия соотношений от более частных к более абстрактным. Те понятия, которые оказываются сопряжены с выделенными категориями, можно интерпретировать как свойства изучаемых процессов. В данной статье я опишу результаты проведенного открытого кодирования, поскольку они сами по себе представляют некоторую научную ценность.

Следует остановиться на вопросе о пределах возможностей данного исследования. В первую очередь придется с сожалением оставить в стороне количественное сравнение данных, поскольку выборка мала и случайна. Можно лишь утверждать, что какие-то смысловые позиции присутствуют, а другие нет. Кроме того, можно расположить эти данные по мере роста различий, к примеру: от сильно выраженного смысла к более слабому, еще слабее, и даже через отсутствие признака смысла – к его противоположности. Крайние по смыслу позиции полагаются за ориентиры, по которым может быть составлена таблица нарастания признаков и свойств.

Для осуществления открытого кодирования я провела 20 глубинных интервью. Поскольку можно было только приблизительно представить себе, какие вопросы релевантны нашим целям, я составила методику интервью с большим запасом – в нем содержалось около 70 вопросов. Они сгруппированы в три блока: 1) о межэтнических отношениях в Российской империи и Советском Союзе, 2) о современных межэтнических отношениях и 3) о современных международных отношениях.

Опросник позволил получить большой материал для работы. Я использовала как “Живой журнал” в Интернете, где мной были размещены вопросы анкеты, так и

опросы произвольно избранных молодых людей и девушек. Выбор респондентов был достаточно случайным. Объем каждого интервью составлял по 8–10 страниц печатного текста, то есть в итоге образовался значительный массив данных, которые также можно назвать случайными. На первом этапе исследования, как рекомендуют авторы метода *grounded theory*, я ознакомилась со всем массивом, чтобы понять, в чем разница и сходство между отдельными интервью. Затем все тексты внимательно перечитывались с целью “заметок для памяти” всего примечательного, типичного или, наоборот, выпадающего из общего ряда. Параллельно фиксировались мысли по поводу прочитанного. Кроме того, я стремилась дать первоначальные определения феноменам, с которыми сталкивалась в тексте. Просматривая текст в третий раз, я пыталась выделить в каждом интервью основные обобщающие категории, под которые попадали различные фрагменты или совокупности фрагментов текстов. Таким образом, было получено 20 списков частично пересекающихся, частично расходящихся категорий. Они были объединены, причем ни одна из них не исключалась.

На следующем этапе работы с материалом каждое интервью было реструктурировано в соответствии с выделенными категориями. В результате некоторые из них оказались распределенными в материале очень широко, другие – слабо. Стало ясно, что необходимо переформулировать категории с тем, чтобы присоединить не получившие самостоятельного значения категории в качестве подкатегорий или характеристик к представленным достаточно пространно, а чрезмерно презентативные – разбить на ряд взаимосвязанных категорий.

После этого я прибегла к ранжированию, обязательному в процессе построения *grounded theory*. Все фрагменты интервью, относящиеся к одной и той же предварительной категории, были выписаны в порядке нарастания свойств. В результате некоторые из свойств пришлось отметить как маловажные сами по себе, но встречающиеся в других категориях. Целый ряд категорий, после их ранжирования и осмысления, оказались никак не привязанными к основной теме выстраиваемой теории. Они не несли никакой значимой информации, но зато придали ориентиры построенным столбцам нарастания качества при проведении открытого кодирования.

Следующая сессия чтения массива эмпирического материала свелась к подбору категориям более адекватных определений: одни выделялись как более важные, другие – как их подкатегории, по логике причинно-следственных отношений явлений. Ниже представлены результаты данного исследования.

Межнациональные отношения в историческом ракурсе

Представления о межнациональных и международных отношениях следует рассматривать как две различные вариации представления об организации вокруг себя других народов – “значимых других”. Поэтому первой задачей являлось выделение предварительных категорий, относящихся к способам и целям, процессам организации русскими своего культурного пространства. В качестве гипотезы я предположила в качестве структурообразующей основы архаичную категорию, характеризующую русских как “выполняющих миссию” и определила их деятельность как **“действие в поле миссии”**. Уточню, что вопросы, которые ставились респондентам, не касались напрямую понятия миссии, а состояли в просьбе определить роль русского народа. Я получила следующий набор мнений. 1) **Роль России не сравнима с ролью других стран.** (*“Русская идея дана Богом и будет существовать, пока существует этот мир”*. *“Не все страны имеют особую миссию, а Россия имеет. Большинство стран должны развиваться в своем русле, а Россия такого русла не имеет из-за своего величия”*.) 2) **Роль России сопоставима с ролями других народов, но у каждого из них она особая.** (*“Каждое государство, каждая нация имеет свою особую роль. У кого-то она весомее, у кого-то менее важна. Однако Россия занимает во все времена передовые позиции во всеобщей истории”*.) 3) **Миссии у русских нет.** (*“Официальные потоки убоги, а в народе нет ничего – он спит, народ-то. Или умер во сне, от пьян-*

ства...) 4) **Миссия была в прошлом, но мы не ухватили свою Жар-птицу за хвост.** (“У нас был шанс, но он упущен”.)

Категория “исполняющие миссию” связана с другими категориями через определение “наполняющие миссию содержанием”. Это уточнение необходимо, поскольку респондентами легко признается миссия или роль России, но вопрос, в чем она заключается, доставляет затруднение. Первая реакция, которую вызывает вопрос о содержании русской миссии, состоит в том, сколь она связана с религией. Эта связь может осуществляться 1) **В позитивном плане** (“Русскому народу суждена роль проводника нравственных ценностей, их возрождение не только среди русского народа, но и в мировом масштабе, так как эти ценности заложены в нашем Православии”. “Русская миссия – сохранение в человеках образа и подобию Божьего, защита человеческих добродетелей, узаконенных Богом, в создании возможности для всех желающих следовать заповедям Божиим”. “Сила России – в ее Божьем предназначении. Пока будет нужда в Удерживающем, Россия без помощи не останется”. “Россия выступает в истории как Христианская Империя”). 2) **В негативном плане** (“Роль религии только разобщает”), очень эмоционально выраженном 3) **В богоборческом плане** (“Роль российского православия в нашем государстве – профессиональные клопы и дармоеды”).

Рассматривая категорию “миссия, наполненная содержанием”, я столкнулась с пониманием, что русская миссия, идея, роль, состоит в следующих параметрах:

1. Русские как государствообразующий народ, строящий многонациональное государство.

2. Русские как народ, собирающий другие народы под свое покровительство.

3. Русские как народ, устанавливающий особые уникальные отношения с другими народами.

4. Русские как народ, преисполненный жалостью и милостью.

Если первые два пункта лежат на поверхности и исходят из трактовки истории, идущей от Н. Карамзина и отраженной в школьном курсе истории, то последние два пункта представляются мне не очевидными. Вместе с тем они непосредственно ведут к цели исследования: способам организации русскими вокруг себя других народов как “значимых других”.

Начну с категории “строющие государство”. “Строющие многонациональное государство” – одно из определений этой категории, поскольку часть респондентов считает это исторической ошибкой и называет в качестве предпочтительной формы мононациональное государство. Часть респондентов подчеркивает, что “та миссия, которую несет в мир Россия, – модель справедливого многонационального государства”, а также, что “одна из основных ролей России была духовная, была идея единения народов, идея одного большого, сильного справедливого государства”, или в одном случае еще более ярко: “Миссия русских состоит в том, что они поставляли, предоставляли народам государственность и культуру”. Определим это как категорию “строющие империю”. При этом респондентами подчеркивается, что тут имеется в виду **наднациональная идея**, объединяющая население.

Категория “строющие многонациональное государство, основанное на наднациональной идее”, стыкуется с категорией “воспринимающие себя как государствообразующий народ”. (“Миссия русских – быть государствообразующим народом в многонациональном государстве”. «Русские народ-работник и одновременно народ-лидер для всех “околооказавшихся” культур, наций, народностей, бытовых укладов и т.п.».)

Затем выделяется подкатегория “строющие государство, со специфическими межнациональными отношениями”. Порой многонациональность воспринимается как способ разрешения наднациональной задачи: “Для основы многонационального государства нужна общая идея, цель, которую можно решить многонационально”. Но чаще респондентов интересует сама структура межнациональных отношений. Ее можно подразделить на несколько наиболее важных категорий, первую из которых

назовем “осуществляющие покровительство”, в другой интерпретации “миссии жалости и милости”. (“Помощь нуждающемуся – это одна из ключевых добродетелей, которую русский народ должен защищать по замыслу Творца”. “Свою помощь мы оказываем всем, кто в ней нуждается”. “Миссия – защита слабых, установление справедливости”).

Следующая подкатегория, связанная с категорией “строющие государство со специфическими межнациональными отношениями”, основанными на наднациональной идее, может быть представлена как “живущие в поле воплощения миссии”. (“Русский народ настолько могуч и богат возможностями, что временами мог поделиться энергией созидания с соседними и комплиментарными народами”). Другой респондент выделяет “опыт невраждебного совместного проживания и реальную терпимость к разным народам и культурам. Таким опытом мало кто из больших народов обладает”. Высказывается мнение, что “в качестве некоего феномена у русских есть способность мирно ужиться с другими народами, не поработая их и не уничтожая”. Еще один респондент отмечает: “Несомненно, завоеванные земли государству нужны не только для решения политических и экономических вопросов, но и в культурном смысле. Мы помогли своим завоеванным территориям и, несомненно, многому научились у них”. Есть и мнение, что “культурная миссия зашла так далеко, что русское культурное содержание находит свое выражение в традициях других народов”.

Категория “живущие в поле воплощения миссии” включает подкатеорию “выполняющие функцию учительства”. («Научить и передать русские должны. В пределе – те самые добродетели, сформулированные Христом: “нуждающемуся помощи, алчущего накорми, жаждущего напои. Если ты сделал это малым сим, то сделал это и Мне”».)

Русскую миссию в отношении народов Российской империи и СССР респонденты раскрывают наиболее подробно. Особенно это касается понятия “дружбы народов”. Причем, по моему мнению, это не две различных категории, а единый комплекс, поскольку идеологию “дружбы народов” я считаю имперским выражением русской культуры, характерной для советского времени, нацеленной на ассимиляцию народов [Луры, 2011]. Таким образом, рядом с подкатеорией “выполняющие миссию учительства” возникает подкатеория “оказывающие ассимилирующее влияние”, которая в свою очередь распадается на две субкатеории: “воплощающие дружбу народов” и “распространяющие свою культуру”.

Все респонденты, за одним исключением, полагают, что “дружба народов” была реальной. Надо учитывать, что, представляя молодое поколение, выросшее в ситуации перманентных национальных конфликтов, они не имеют собственного опыта “дружбы народов”. Но их позиции близки взглядам представителей старших поколений. Главное, что отмечается в описании явления “дружбы народов”, – это впечатление теплоты взаимоотношения людей, положительных эмоций по отношению друг к другу и атмосфера радости. В этом смысле характерно следующее высказывание: “Дружба народов существовала на практике, среди разных национальностей царила положительная атмосфера, люди были рады друг другу”. Сюда же можно отнести мнение: “Люди были добрее и руководствовались совершенно другими ценностями, чем сейчас”. Часть респондентов концентрируется на праздничных проявлениях “дружбы народов”. (“Да, дружба народов существовала. Например, различные фестивали молодежи и студентов”). В качестве примера приводят также пионерлагерь “Артек”. Кроме того, дружбу народов респонденты определяют “как взаимопомощь и поддержку”.

Выделяется и особый концептуальный ракурс русского человека как свидетеля “дружбы народов”. Многие респонденты полагают, что другим народам было хорошо рядом с русскими. Я выделю данный момент в качестве подкатеории “полагающие, что с ними рядом хорошо”.

Функции учительства и “дружбы народов”, вытекающие как предикаты из категории “живущие в поле выполнения миссии”, дают ответ на вопрос, насколько русские склонны передавать народам русскую культуру и могут ли они считать нерусские на-

роды носителями русской культуры. Психологическое включение в поле русской культуры – это еще один предикат категории “русские как живущие в поле выполнения миссии”. Выше я определила этот комплекс подкатегорией “распространяющие свою культуру”. Многие респонденты полагают, что народы СССР можно было рассматривать как носителей русской культуры. Для нас неважно, насколько это соответствовало действительности. Важен предикат, который русские себе приписывают.

Содержательное начало категории “оказывающие ассимилирующее влияние” связано с признанием непосредственности **включения в русское культурное поле**. (“Народы бывшего СССР могут быть носителями русской культуры, одна же история. В некотором роде у нас и одна культура, выработанная этой историей”. “Многие народы переняли у нас традиции, культурные ценности”. “У России богатейшая культура, она не могла не повлиять на другие народы, они могут быть ее носителями”. “Полагаю русскую культуру очень мощной и широкой, так что она повлияла сильно, вплоть до того, кто могут быть ее носителями”). Есть в общей палитре и более категоричные мнения: «У большинства народов никакой “своей” культуры не было – если не считать навыков горлового пения и умения делать кумыс. Культуры в “высоком смысле” – не было, или было давно в прошлом – сильно до вхождения в состав России».

Наряду с экономическим, геополитическим, военным смыслом завоевания русскими других народов респонденты называют и культурный смысл присоединения народов. Определяю это явление как подкатегорию “присоединяющие народы ради углубления собственной культуры”, которая также относится к категории “живущие в поле воплощения миссии”. (“Эти завоевания принесли нашему государству определенный опыт взаимодействия с другими странами. Несомненно, это был полезный опыт”. “Смысл завоеваний состоял в знакомстве с культурами других народов. Чему-то поучиться можно у любого народа”).

Выделю это явление как подкатегорию “живущие с народами, имеющими значение”. Важно отметить, что русские рассматривают свое пребывание в поле выполнения миссии и в качестве субъекта, переживающего определенные изменения, в частности **превращения в объект обучения, претерпевающего ментальные изменения**, и, что главное – в результате претерпевания изменений они находятся в **постоянном процессе взаимовлияния** – явление, которое я определяю как подкатегорию “являющиеся объектом воздействия народов”. (“Мы им помогли в разностороннем плане и многому учились у них”. “Другие народы повлияли на особенности русского менталитета”. “Можно сказать о том, что основным значением влияния других народов является обмен культурными ценностями, культурным опытом”).

В то же время именно при определении значения нерусских народов Российской империи для русских наблюдается самое большое неприятие этих народов. Для его характеристики я должна ввести подкатегорию “живущие с народами, имеющими отрицательное значение”. (“Обслуживающий персонал, строители, производители продуктов питания, уборщики, поставщики дешевой рабочей силы – та же роль, которую они выполняют в Европе (нахлебники)”. “Нет, нам нечему учиться у них. Мы тоже не должны были их ничему научить, ибо они были сырьевыми зонами”. “Если во время СССР – искусственно навязанная (руководством страны) обуза. Если сейчас – источник разнообразнейших неприятностей, количество которых будет расти со временем”. “Во все времена эти народы поворачивались к России спиной как в трудных ситуациях, так и в мирное время, несмотря на помощь и благожелательное отношение нашей родины”). Этот момент делает многие конкретные интервью внутренне противоречивыми и конфликтными.

Часть респондентов продолжает считать бывшие советские народы “своими”. Показательны качественные характеристики, указывающие, что русские все еще находятся в поле своей миссии и категория “живущие в поле воплощения миссии” до определенной степени актуальна и на сегодняшний день. Часть респондентов полагает, что народы бывшего СССР, включая русских, имеют друг перед другом обязанности,

сохраняющиеся до сего дня. (*«Естественно, обязанности друг перед другом у наших народов существуют, потому как только при их наличии народы могут плодотворно взаимодействовать друг с другом»*.) Причем среди респондентов широко распространены представления о взаимоотношениях в военной сфере. Почти все респонденты полагают, что в критических ситуациях русские должны помочь странам СНГ. (*«Считаю, что Россия должна помочь бывшим союзным республикам в случае агрессии. Помогать стоит всем, не стоит делать какие-либо разграничения»*. *«Безусловно, мы должны оказать всяческую помощь любой республике в случае затруднительной для нее ситуации»*. *«Должны защищать страны СНГ вооруженным путем, если что»*. *«В случае агрессии против бывших союзных республик, мы должны оказывать военную помощь»*.) Таким образом, можно выделить подкатегории «имеющие обязанности перед другими народами» и «осуществляющие покровительство».

Международные отношения

Теперь рассмотрю другой срез психологической организации русским народом народов вокруг себя, а именно – процесс построения внешнеполитического поведения. Фактически, говоря о перспективах защиты бывших союзных республик, я его уже коснулась, включив его в категорию «живущие в поле воплощения миссии». Теперь надо сопрячь ее с категорией «выносящие миссию вовне». О том, что можно и впредь говорить именно о миссии, подтверждают тексты интервью. (*«Внешняя политика имеет своей миссией исполнение миссии России вовне, их ни в коем случае нельзя разделять с внутренней миссией»*. *«Занимая во все времена передовые позиции во всеобщей истории, Россия не имеет права снижать свое значение на мировой арене. Кроме того, Россия всегда была носителем высокой духовности, и это нужно сохранить»*.) Еще одна важная для анализа точка зрения состоит в том, что Россия должна выполнять свою миссию на международной арене, но не способна к ее реализации или избегает ее. (*«Миссия не выполняется, а должна бы, исходя из ее Божественного происхождения»*.)

Часто внешнеполитическая миссия увязывается с **лидирующей** (часть респондентов называют ее **имперской**) внешней политикой. Соответственно и выделим категорию – «стремящаяся к имперской внешней политике». Респонденты делятся на два лагеря: тех, кто считают российскую политику актуально имперской и поддерживают ее. (*«Я – за имперское государство. Ведущая роль в мире»*. *«Имперскую миссию приветствую и считаю, что Россия должна быть лидером на политической арене»*. *«Имперскую миссию я бы с удовольствием поддержал»*), и тех, кто полагают, что современная внешняя политика России слишком слаба, чтобы иметь основания называться имперской. (*«Россия не играет роль. Она просто есть, пока еще есть. И должно быть так, чтобы ее существование не регулировалось снаружи. Приветствую ли стремление России к лидерству? Вы шутите так?»*.)

Теперь встает вопрос о содержании российской внешнеполитической миссии. Те, кто считает, что Россия имеет свою внешнеполитическую миссию, определяют ее различным образом. Для одних это почти чисто духовная миссия – подкатегория «выполняющие духовную миссию вовне». (*«Коренная миссия России – сохранить духовность, отход от которой мы наблюдаем в западном менталитете»*.) Для других миссия России состоит в том, чтобы не допускать существование единого центра силы в мире, однополярности, «мирового правительства», что определяется как подкатегория «борющиеся за многополярность». (*«Роль – держать баланс сил. Роль – поддерживать равновесие, не допускать монополярности»*. *«Роль России должна быть лидерской в качестве альтернативного центра силы в мире. Россия должна быть лидером одного из «лагерей», объединений государств послабее и поменьше»*.)

Следует особо выделить как миссию России помощь нуждающимся в ней государствам – категорию «осуществляющие покровительство», *«так как каждый народ ответствен перед другим»*. Эту миссию можно проиллюстрировать на примере отно-

шений к слабым странам. (*“Я полагаю, что Россия должна всячески поддерживать страны Африки, так как это в большинстве своем очень бедные страны, которые нуждаются в помощи”*.)

У части респондентов представления о миссии России приземленные, связанные с достижением конкретных благ. (*“Миссией внешней политики России является взаимовыгодное сотрудничество, установление новых контактов”*. *“Сейчас у России торговая миссия”*.) Определяю это как “концентрирующиеся на прагматической миссии”.

Какова зона распространения русскими миссии вовне своей территории? Большинство респондентов рассматривают как потенциальное поле русской миссии весь мир или значительную, но геополитически обоснованную, его часть. (*“Зоной влияния России должен быть весь мир”*. *“Максимально распространять свое влияние во всем мире”*. *“От тайги до британских морей. Европа – вся, Азия – Средняя и по северам. Все, что южнее – делиться с Китаем”*. *“Зона влияния очень необходима. В нее следует включить страны Восточной Европы, Кавказ, Латинская Америка, Ближний Восток, страны Азии”*.) Подавляющая часть респондентов уверены, что понятие “зона влияния” – необходимый атрибут современного сильного самостоятельного государства. (*“В наше время все мощные страны имеют зоны влияния, если зоны влияния нет – то такая страна сама является чьей-то зоной влияния”*), другие считают это понятие несовременным. (*“Россия не должна как-либо влиять на другие народы против их воли”*.) Этот момент очень важен, поскольку он является выражением вопроса, имеет ли право на существование категория “выносящие миссию вовне”.

Респонденты практически без исключения выступают за твердые прагматичные отношения со всеми зарубежными странами, однако в их размышлениях почти всегда присутствует и идея действий, связанных с **воплощением миссии через дружбу или вражду**. Поэтому категория **союзничества** оказывается у респондентов одной из центральных – как активное действие, сопряженное с категорией “выносящие миссию вовне”, и могут быть выделены как подкатегория “основывающиеся на союзнических идеалах”. (*“Россия может союзничать с любыми странами, если это идет на пользу России и ее миссии”*. *“Россия может союзничать со всеми странами, кроме богоборческих и мироборческих”*. *“Друзьями могут стать те государства и народы, чьи сверхзадачи не противостоят нашим”*.)

Страна, которую почти все без исключения респонденты называют нашим союзником – Сербия, так что выделю союзничество с ней в отдельную субкатегорию – “видящие в Сербии идеал союзнических отношений”. (*“Поддержка Сербии Россией имеет огромный смысл. Сербия – это один из мощных узлов православной духовности и славянского исторического единства. К тому же именно там наиболее глубокий разрыв православной церкви с враждебной Европой”*. *“Мы близки с сербами в религиозном и традиционном плане. Эта страна, по моему мнению, является одним из самых лучших друзей нашего государства”*.)

Через категорию союзничества респонденты склонны рассматривать и отношения с Америкой и Европой. Наиболее противоречивы взгляды респондентов на возможность союзничества с Америкой. Лишь часть из них считают союзничество с Америкой возможным, но **без отсылки к русской миссии**. Выделю эти отношения как категорию “стремящиеся к прагматическому союзничеству с Америкой”. (*“Я думаю, что любые отношения, и с Америкой особенно, должны быть основаны на взаимопомощи и взаимовыгоде”*. *“С Америкой союзничать при условии равного партнерства”*. *“С Америкой следует союзничать на простом условии: если Америка будет сотрудничать с Россией”*.) Другая часть респондентов полагают, что дружественные отношения России с Америкой невозможны, что вражда между этими странами предрешена: подкатегория “считающие вражду с Америкой предрешенной”. (*“Карфаген должен быть разрушен. Америка безусловный враг”*. *“Какая может быть безопасность с непримиримым геополитическим врагом и онтологической противоположностью”*.)

Однако есть свидетельства, указывающие, что отношения с Америкой определяются именно как выражение категории “выносящие миссию вовне”. Во всяком случае,

они определяют враждебность по отношению к Америке как противодействие миссии, направленной против России. Определяю это явление как “враждующие с Америкой на основании противонаправленности миссии”, которая, в свою очередь, вытекает из категории “признающие миссию Америки”. Миссию Америки один из респондентов определил следующим образом: *«Строительство “сверкающего города на холме” – рай без Бога с вытеснением из человека образа Божиего, замена его на человеческий конструкт»*. Остальные определяют миссию Америки в более приземленных, но всегда в негативных тонах. (*“Нынче мировой жандарм”. “Думаю, главной миссией Америки является мировое господство”. “Америка хочет подчинить себе все государства”*.) Характерно, что наличие у Америки собственной миссии признают почти все респонденты, даже те, кто не могут ее сформулировать.

Понятие внешнеполитической вражды почти всегда связано с понятием миссии, что можно определить как категорию “враждующие на основе миссии”. (*“Враг России тот, кто обладает противоположной миссией, любой, кто за монополярный мир”*.) Так, отношения с Латинской Америкой многими респондентами воспринимаются как союзнические, с прицелом на совместное противостояние США. (*“Я считаю эти страны надежным союзником в случае каких-либо межгосударственных конфликтов”. “У России должен быть там свой плацдарм, чтобы иметь вес на международной арене”. “Масса точек соприкосновения в Латинской Америке, опора нам в экономическом развитии, но самое главное – борьба за многополярный мир, помощь в том, чтобы избавиться от гегемонии США”. “Желательно подкармливать и науськивать латиноамериканцев на США. Пусть у тех будет постоянный головняк с юга”*.)

Дружественными многие респонденты видят и отношения с Ираном. (*“Теплых отношений, конечно, не получится, но дружить желательно. В идеальном случае – согласованная политика”. “Военная и техническая помощь. Согласованная политика самостоятельного определения цены на нефть и газ. Все в пику Америке, все ей на зло и во вред”. “С Ираном стоит дружить до тех пор, пока он угрожает планам США и Европы по установлению контроля над нефтегазовыми ресурсами в масштабах всего мира”*.) Респондентами многократно выражается мысль, что дружить надо с любыми странами против Америки. (*“С любыми против США”. “Русское оружие поступает в Венесуэлу, Иран – уже хорошо, центр живет и работает против объединения. Русские со своей миссией справляются, главным образом через противостояние Америке”*.)

А вот с Европой, в отличие от Америки, респонденты предпочитают ровные дружественные отношения. Определяю это как категорию “нацеленные на дружественные отношения с Европой”. Респонденты пытаются определить миссию Европы в мире, но признают ее немногие. Те, кто признают, рассматривают ее как неагрессивную, позитивную, направленную на гармонизацию мира – в данном случае введу категорию “лояльные к европейской миссии”. (*“Миссия у Европы – стабилизация политического фона, сохранение порядка. Они действительно добиваются своей цели, и не кричат об этом на каждом шагу, как американцы и россияне”. “Задача Европы – сохранять свои культурные традиции, обеспечивать безопасность в мире, а также связь Востока и Запада”. “Безусловно, своя миссия есть у каждой страны Европы. Среди этих миссий взаимодействие в рамках Евросоюза, поддержание бывших колоний, а также работа с другими странами”. “Безусловно, у Европы есть своя миссия: комфортное обустройство земного материального мира”*.)

Часть респондентов говорят об измене Европой своей исконной миссии, но при этом выражается сожаление – введу категорию “обвиняющие Европу в измене миссии”. (*«Миссия Европы раньше состояла в поддержании альтернативного христианства и его распространения по всему миру, но сейчас Европа от этой миссии отошла, и от христианства – тоже. Остатки тех, старых сил, мне в Европе нравятся. Тотальная сдача старых, более правильных ценностей, в пользу “новых”, “общечеловеческих” в худшем смысле этого слова, раздражает»*. *“Комфортное обустройство земного материального мира. Измена своей миссии открытым поощрением греха”*.)

Вероятным представляется, что именно то, что респонденты не видят в Европе миссии, противопоставленной по отношению к России, делает отношение к ней всех без исключения респондентов доброжелательным. Европа так же, как и Китай, отношение к которому у всех респондентов дружелюбно ровное, **выпадают из российского поля миссии**. Это территория, на которую российская миссия не распространяется ни в плане насаждения своих идеалов, ни в плане борьбы с чуждыми идеалами. Это территории подпадают под категорию “стоящие вне поля миссии”.

Существование НАТО, цементирующее Америку и Европу, как бы выпадает из сознания респондентов, оно их не интересует.

Предварительные результаты

Таким образом, обозначились две цепочки категорий, взаимосвязь между которыми еще предстоит установить. Цепочка категорий исторического блока показывает, что история современной молодежи усвоена в рамках идеологии собирания земель и народов, а вот на внешнюю политику у молодежи образовался свой взгляд, дистанцированный от всех официально пропагандируемых. Так, у современной молодежи **нет единого понятия Запада** – Америка и Европа рассматриваются каждая по отдельности, и отношение к этим двум культурным целостностям различно. Риску высказать предположение, что эта схема возникла и закрепились в сознании молодежи на основании риторики, сопровождавшей начало войны в Ираке, которое пришлось как раз на время их взросления.

Что касается предварительной корреляции двух блоков интервью, рассмотренных выше, то она может быть представлена как методология организации народов вокруг себя через **союзничество** (категория “основывающиеся на союзнических идеалах”) в разных его качествах и категорий “воплощающие дружбу народов” и “распространяющие свою культуру” также в разных их качествах. Категория “строящие многонациональное государство, основанное на наднациональной идее” коррелирует с категорией “стремящиеся к имперской внешней политике”, особенно это касается подкатегории “*выполняющие духовную миссию вовне*”. И в том и в другом случае можно говорить о реализации категории “живущие в поле воплощения миссии”. Связанная с ней категория “осуществляющие покровительство” присутствует в обоих блоках, равно как категория “имеющие обязанности перед другими народами”.

Следует отметить, что в обоих рассмотренных блоках интервью отсутствует позиция “апеллирующие к чужой миссии”, что говорит об ориентации русских на способ организации пространства международного и межнационального взаимодействия, центрированный на себя самих. Лишь едва просматривается категория, далеко не самая важная, – “присоединяющие народы ради углубления собственной культуры”.

В блоке, касающемся внутримперской политики, отсутствуют категории “союзничающие на основании общей вражды” и “обвиняющие в измене миссии”. Это связано с тем, что во внутривнутриполитическом выражении миссии присутствует понятие “воспринимать себя как государствообразующий народ”, которое не позволяет ставить себя на равный уровень с другими народами. Международные отношения не дают почвы для подобного самомнения.

Межнациональные отношения: современная ситуация

Что касается третьего блока текстов интервью, относящегося к современным межнациональным отношениям, то картина получается гораздо более запутанная. Оценивая этот материал, нельзя исходить ни из категории “миссия”, ни из категории “выгода”. Необходимо нащупать новые категории, которые следует соотнести с ранее выделенными. Причина этого в **бурной динамике**: некоторые тенденции ее неопределимы, другие, хотя и могут быть названы, противоречат предыдущим тенденциям и тоже вызывают вопросы.

Начну с вопроса, произошли ли изменения на личностном уровне общения или, другими словами, осталась ли подоснова дружбы народов. Практически все респонденты говорят о том, что поддерживают личную дружбу с представителями других национальностей – определим это явление как категорию “дружаские с представителями других народов”. Еще более показательно, что русские хотят, чтобы их дети дружили с детьми других народов (категория “желающие, чтобы дружили дети разных народов”). Можно выделить категорию “желающие иметь опыт отношения с другими народами” – пункт, который совершенно не проявлял себя в ходе анализа исторического блока интервью. Там превалировал не интерес к другим национальностям, а безразличие к национальности. Как ни парадоксально, подавляющее число респондентов хотят жить в многонациональном окружении – категория “желающие жить в многонациональном окружении”. (*“При совместном проживании только с одним народом теряется интерес к коммуникациям, к жажде познания нового”. “Существование нации, без подпитки из других народов, невозможно”. “Гораздо интересней взаимодействовать с представителями других национальностей, чем замыкаться в своей культуре”. “Не хотела бы жить только среди русских, было бы слишком скучно”.*) Многие респонденты полагают, что психологически комфортно могли бы жить в неславянских республиках СНГ – категория “согласные жить в неславянских республиках”. (*“Я думаю легко бы смогла жить в неславянской республике, к менталитету других народов можно быстро привыкнуть и спокойно жить, при этом оставаясь собой”.*)

Однако в отличие от прошлого, у русской молодежи остро развито национальное чувство – категория “ощущающие национальность”. (*“Ну, а на самом деле, есть такое чувство, Россия до такой степени индивидуальна и что ни говори – достойна лучшего, чем мы имеем”.*) Многие респонденты рассказывают, как лично у них возникло национальное чувство, у всех по-разному, у многих – как бы случайно, воспитание большого значения не имело, поскольку родители принадлежат еще к тому поколению, которое воспитывалось в духе интернационализма. Лишь в небольшом количестве случаев национальное чувство выливается в национализм. Представляется, что национальное чувство у респондентов осталось имперским, требующим терпимости к другим гражданам империи и согласия на распределение благ среди всего населения империи. Поэтому нередко национализм, каким его хотят видеть респонденты, определяется как толерантный и просвещенный. Стоит отметить, что он почти никогда не связывается с русской миссией. Обозначу это явление как “исповедующие национализм, терпимый к другим народам”.

На удивление толерантным оказалось у респондентов и отношение с инациональными землячествами – категория “приемлющие национальные землячества”. (*“Я считаю эту форму обособления народности вполне приемлемой для жизни в границах другого государства и думаю, что это помогает народам не забывать культуру, традиции, обычаи своей страны”.*) И только два противоположных мнения (*“К землячеству отношусь отрицательно. Иностранца рассматриваю не как индивида, а как члена своего землячества”. “Отношусь плохо. Все нацземлячества должны быть запрещены формально. К себе в горы – там и братайтесь!”.*)

Однако в противоположность существующему русскому имперскому комплексу респонденты не проявляют большого энтузиазма в вопросе ассимиляции национальных меньшинств. Мнения респондентов разделились по поводу желательности или нежелательности ассимиляции. Часть из них полагают, что ассимиляция должна иметь место. (*“Ассимиляция желательна, так как трудно жить изолированно”.*) Здесь следует скорее говорить об ассимиляции как вынужденном явлении. Трудно выделить категорию “приветствующие ассимиляцию”. Скорее, следует говорить “соглашающиеся на ассимиляцию”. Другие респонденты видят в ассимиляции отрицательные черты. (*“Ассимиляция не должна иметь место в их жизни. Иначе это вырождение национальности, культуры, истории”. “Никакой ассимиляции, каждый ценен сам по себе, если он умен”. “Нет, у каждого народа свой путь, свои особенности”.*) В этом

случае следует выделить категорию “противостоящие ассимиляции ради культурного разнообразия”. Еще ярче противодействие ассимиляции проявляется в вопросе о воспитании детей. Почти все респонденты уверены, что различные народы должны воспитывать своих детей по-своему и не ориентироваться в этом вопросе на русских: выделю категорию “желающие национального своеобразия в воспитании”.

Более того, часть респондентов полагают, что представители национальных меньшинств, проживающие в русской среде, должны воплощать в жизнь ценности своей культуры. Выделю категорию “желающие культурного многообразия ценностей”. (*“Не требуется, чтобы представители национальных меньшинств имели ту же в точности этическую систему, что и русские, они должны знать свою культуру и историю, следовать своим традициям”. “Иностранцы должны иметь другую систему ценностей”*.) С точки зрения опрошенных, вполне достаточно, чтобы ценностные системы национальных меньшинств коррелировали с русскими ценностями. И лишь немногие полагают, что, поскольку представители национальных меньшинств в Санкт-Петербурге живут в русской среде, они должны ориентироваться на русскую систему ценностей. (*“Этическая система должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО одинаковой, это основа”. “Должны иметь ту же этическую систему, что и русские. Должны, так как они живут в чужой стране, в чужой культуре, они вынуждены приспособливаться”*.) Выделю категорию “желающие ассимиляции в ценностном аспекте”.

После этого не удивляет убежденность, что представители национальных меньшинств должны знать культуру своего народа. При этом часто подчеркивается, что это знание делает общение с ними более интересным – выделю категорию “радующиеся знанию другой культуры”. (*“Обязательно знать свою культуру, так как без национальной культуры нет полноценной личности”. “Если он знает свою культуру, с ним интереснее общаться”. “Ее отличное знание может только внушать уважение к человеку и сближать с ним”. “Интерес к познанию новой культуры помогает” в общении*.) Только один респондент утверждал, что “знание национальной культуры неважно”.

Далеко не все респонденты полагают, что представитель национального меньшинства должен быть патриотом России. Только несколько респондентов считают патриотизм обязательным. (*“Должен обладать патриотизмом, характерным для русского человека”. “Обязателен русский патриотизм”*.) Остальные считают, что патриотизм для представителя национального меньшинства – его свободный выбор, так же, впрочем, как и для русского. Поэтому выделю категории “считающие патриотизм обязательным” и “не считающие патриотизм обязательным”. Однако многие респонденты сомневаются в том, может ли представитель национального меньшинства быть русским патриотом, их можно определить как “сомневающиеся в возможности патриотизма представителей национальных меньшинств”.

Большинство респондентов полагают, что рядом с русскими представителям других народов жить легко. Это утверждение присутствовало и в историческом блоке, по отношению же к настоящему, что кажется парадоксальным, большинство респондентов настроены гораздо более оптимистично. (*“Рядом с русскими представителям других народов жить легко. Русские – добрые”. “Русские могут легко ужиться с представителями других национальностей. Черта народа неконфликтность и коммуникабельность”. “В итоге мы воспитали терпимость к другим народам и культурам, чем не каждая страна может похвастаться”*.) В данном случае не буду создавать новую категорию, а воспользуюсь уже выделенной мной: “полагающие, что с ними рядом хорошо”.

Чтобы представитель национального меньшинства мог восприниматься как русский, он должен соответствовать различным требованиям. Иногда столь высоким, что объективно затрудняется процесс ассимиляции. (*“Русские состоят из добродетелей и, приобщившись к созданным Богом добродетелям, можно стать русским”. «Чтобы воспринимать представителя меньшинства как русского, этот представитель должен быть похож на “идеального русского” – быть честным, справедливым, альт-*

руистом. Если он будет еще и православным – вообще прекрасно». «Он обязательно должен быть патриотом России, а знание русского языка и культуры – приложением». «Представитель, национального меньшинства обязательно должен знать русскую культуру более чем хорошо». Только трое респондентов ответили, что не испытывают потребности воспринимать представителя национального меньшинства как русского. («Достаточно, чтобы он был умный. И зачем мне воспринимать какого-нибудь китайца или корейца как русского практически? Или чукчу? Я его как умного чукчу прекрасно могу воспринимать»). Оба эти подпункта, касающиеся восприятия представителя национального меньшинства как русского, можно выделить в категорию «затрудняющие процесс ассимиляции».

При всей кажущейся толерантности респондентов их отношение к представителям национальных меньшинств в Санкт-Петербурге весьма неоднозначно. Мнения представляют весь спектр – от позитивных до сугубо негативных. Часть приветствует национальное разнообразие – определю это явление категорией «приветствующие национальное разнообразие практически». («По большому счету, я не склонна к националистическим настроениям, поэтому в нашей стране меня порадуют представители любой национальности». «Мое отношение к наименьшинствам в нашем городе сугубо положительное. Если исконно городское население не способно обрабатывать городские ресурсы, то присутствие других людей, приезжих, можно рассматривать лишь с хорошей стороны. Эта часть населения уже является неотъемлемой в нашем городе-миллионере». «Моим единственным пожеланием было бы большее уважение к коренным жителям со стороны приезжих, так как иногда недопонимание достигает невероятно высокого уровня и приводит к ужасающим последствиям». «Торгаши полезны: азербайджанцы, китайцы, индусы. Некоторые категории работников: киргизы, корейцы».)

Остальные респонденты настроены более настроенно. («Не хотелось бы видеть представителей Средней Азии (таджиков, в меньшей степени узбеков.) В силу того, что они не в состоянии ассимилироваться и представляют собой анклав, они не способны измениться в новом государстве и принять его культуру, в силу того, что они сами не знают ничего о культуре собственной, это, собственно, в них и раздражает». «Меня раздражает их поведение, и масса криминальных проблем, которые исходят от них. К сожалению, касающиеся и всех «простых» людей». «Уменьшить присутствие представителей некоторых наций было бы даже полезно. В первую очередь это касается народов Кавказа. Они носители противоречащих нашим ценностей и ориентиров. Из-за этого растет преступность». «Причина кроется в том, что в Россию идет поток необразованных представителей этих наций. Очень часто они ведут себя намного развязней и неприличней наших русских ребят и девушек». «Поведение некоторых представителей просто обескураживает. Творят, что хотят, и никакой управы на них, по-видимому, не предвидится». «Еще не нравится то, что они говорят на свое языке часто, я считаю, в России не хватает закона, запрещающего общаться не на русском языке для представителей Российской Федерации на территории страны»). Здесь следует выделить (памятуя, что те же респонденты активно высказывались за национальное разнообразие и против ассимиляции) категорию «приветствующие национальное разнообразие только теоретически».

Столь же разнообразны мнения о том, сколь конфликтны отношения между коренными петербуржцами и представителями национальных меньшинств. Одни считают, что конфликтность снижается – выделю категорию «считающие, что межнациональная конфликтность снижается». («В России народы уважают культуры, обычаи, традиции и религию друг друга, так что национальный вопрос остро не стоит. Россия толерантная страна. Конфликтность снижается. На мой взгляд, жители Петербурга становятся более толерантными по отношению к представителям других национальностей, это является следствием того, что уже выработанные модели межнациональных отношений являются эффективными в этом вопросе». «Мне кажется, что межнациональные отношения в нашем городе становятся все

более толерантными, коренные жители нашего города стали привыкать к обилию людей иных национальностей, воспринимают их как неотъемлемую часть общества (в основном, рабочего общества).”.)

Другие полагают, что степень конфликтности, напротив, возрастает – следует выделить категорию “считающие, что межнациональная конфликтность возрастает”. (“Межнациональные отношения в Петербурге неоднозначны, и я считаю, что они становятся более конфликтными”. “Межнациональные отношения стабильно ухудшаются, по мере нарастания численности нацменов в процентах к коренному населению”. “В Петербурге динамика отрицательная. Более толерантными петербуржцы явно не становятся”).)

В связи с показанными противоречиями в национальных отношениях сама проблема многонационального государства ставится под вопрос. Его можно выразить в следующей альтернативе, которую приводит один из респондентов: “В принципе, полезность многонационального государства зависит от мировоззренческого типа государствообразующего народа. В нашем случае – это необходимая данность, а потому полезная реальность. Если нехватка имперской энергии у государствообразующего народа, то лучше мононациональное, если избыток – то лучше многонациональное”. Другой пример – высказывание, что “мононациональное государство кажется более простым в управлении, но тем не менее более скудным в истории”. Предпочитающие многонациональное государство объясняют свой выбор разнообразием традиций, обычаев, пестротой и, что особенно важно, возможностью межкультурного общения и взаимообучения – выделю это явление в категорию “предпочитающие разнообразное государство”. Данной логике противостоит точка зрения, что межкультурного общения и взаимообучения в многонациональном государстве как раз и не получается. Этому взгляду может соответствовать категория “предпочитающие монолитное государство”.

Мнения респондентов относительно того, желательно ли многонациональное государство, разделяются полярно. Многие придерживаются точки зрения, что многонациональное государство лучше. (“Сила России, несомненно, в том, что это многонациональное государство, в котором народы уважают культуры, обычаи, традиции, религию друг друга”. “Многонациональное, конечно, лучше, много традиций, есть у кого учиться и кого учить, развиваться”).) Противоположная категория “предпочитающие монолитное государство” зиждется на мнении, что мононациональное государство легче в управлении и в нем нет столь сложных проблем.

Идеальное многонациональное государство респонденты представляют на удивление похоже, подавляющее большинство выступают за максимальную автономию разных народов. (“Идеальная модель – содружество относительно независимых национальных республик под управлением какого-либо центра”).) Таким образом, исключаются многие составляющие русской миссии, “строящие многонациональное государство основанное на наднациональной идее”, и в первую очередь исчезает категория “воспринимающие себя как государствообразующий народ”.

Такое единство взглядов, как ни парадоксально, может объясняться тем, что многие респонденты не исключают возможности в будущем вновь объединить бывшие народы Российской империи и, помимо реализации в новой “империи” своей недавно возникшей любви к многообразию, задумываются и над привлекательной для других народов моделью государственного устройства. Выделю новую категорию “стремящиеся к воссозданию империи”, которая связана с ранее обговоренной категорией “строящие государство со специфическими межнациональными отношениями” и которая возвращает нас к категориям только что отвергнутым: “строящие многонациональное государство, основанное на наднациональной идее” и “воспринимающие себя как государствообразующий народ”. (“В будущем мы, возможно, опять возьмем их под наше крыло, с оглядкой на ту же миссию: воспитание, защита, обучение. Если есть хоть какие-то силы – тянуть нации за собой. Отказываться от этого опасно: можно впасть в разврат. Так что учительская роль – необходимость для самого

государствообразующего народа”. “Способна ли Россия вновь собрать вокруг себя народы? Способна – это точно. Страны – те, что были раньше, – может, только они нас полностью понимают”. “И все равно вперед: учить, защищать, несмотря на собственную ослабленность. Сил поднакопим – интенсифицируем решение этих задач. В противном случае, излишки энергии придется направлять на собственное неразумное потребление. А это опасно – дело это богоборческое, вполне можно потерять меру и затребовать себе уже рабов из других национальностей”).

Межнациональные отношения: от империи к современности

Если сравнить исторически сложившиеся и современные межнациональные отношения, возникает совершенно новая модель. В Российской империи не было межнациональных отношений в том значении, как мы их сейчас понимаем. На закрепленных за русскими территориях они шли через посредство государства, основываясь на более или менее успешных ассимиляционных программах. На новоприобретенных территориях, куда направлялись стихийные потоки крестьянской колонизации, они вообще никак не контролировались. Там шла, скорее, ассимиляция русских к местному населению через освоение новых форм ведения хозяйства и бытовых навыков. Русские на этих территориях боролись за свое выживание и, надо отметить, чем меньше государство вмешивалось в эту борьбу, тем успешнее она происходила [Лурье, 2005].

В советские годы осуществлялся проект “дружбы народов”, и что важно, не только как официальный проект, но и как низовая схема самоstructuringирования народов СССР. На основании прежних исследований [Лурье, 2011] полагаю, что речь идет об одной из ипостасей имперского комплекса русских, направленного на мягкую интеграцию присоединенных народов. Как в первом, так и во втором случае приветствовались межличностные отношения представителей других национальностей с русскими. Как можно вывести из представленного материала, этот низовой комплекс сохранился. Мало того, в противовес признанию многими респондентами нарастающей конфликтности в межнациональных отношениях, почти все предпочитают жить в многонациональной среде, а часть полагают, что психологически комфортно могла бы жить в неславянских республиках. Это, безусловно, – рецидивы впитавшейся в плоть и кровь прежней системы межнациональных отношений, в частности системы низовой интерпретации “дружбы народов” как сложной системы политеса и компромиссов. Русские также уверены, что другим народам жить среди русских хорошо и комфортно. Поэтому мы можем перенести в современность категории “русские, живущие в поле реализации миссии”, “наполняющие содержанием идеологему дружбы народов”.

Однако их содержание изменилось. Ни во времена Российской империи, ни в советское время русские не проявляли интереса к другим культурам. Более того, сама “дружба народов” объективно была инструментом ассимиляции, причем ассимиляции не русской культурой как таковой, а русской имперской культурой, существовавшей под видом советской. Последняя сегодня практически исчезла. Образовалась лакуна, которая должна чем-то заполниться. Если раньше знакомство культур советских народов происходило на поверхностном уровне, в праздничной обстановке фестивалей и декад дружбы, и глубокое знакомство с другими культурами, кроме русской (и то только высокой), не подразумевалось, то теперь вопрос ставится иначе. С падением символического взаимодействия культур, которое вело к общему ощущению теплоты и эмоционального комфорта, встал вопрос о действительном знакомстве с другими культурами. Причем не потому, что проявилась какая-то особая любознательность, а потому, что исчез праздничный теплый антураж. Остался голый факт: чтобы жить вместе, чтобы Российская Федерация не рухнула, надо прилагать хоть какие-то усилия к достижению толерантности, которая понимается как уважение к культурам друг друга. Отсюда делается вывод, что культуры друг друга следует знать. Вывод этот чисто теоретический, реального интереса к культурам других народов РФ или СНГ

не проявляется, но на этом постулате строится концепция взаимодействия народов, направленная на выход из национального кризиса.

По моему мнению, к выходу из кризиса этот подход вряд ли приведет, но, основываясь на результатах проведенного анализа, я прихожу к выводу, что эта точка зрения популярна у современной молодежи. Отсюда возникает требование к тому, чтобы сам носитель той или иной культуры был о ней достаточно осведомлен, мог просветить представителя другой национальности в каждом удобном случае. В эпоху “дружбы народов” знание собственной культуры не поощрялось, требовалось иметь о ней общее впечатление. С исчезновением советского антуража остается представитель национальности, обязанный обладать глубокими знаниями о традициях и обычаях своих предков (которые приходят не через естественную передачу традиций из поколения в поколение, а из искусственных реконструкций, проведенных более или менее грамотно). Следуя этой логике, русский ощущает, что обязан демонстрировать интерес к чужой культуре, поэтому многие респонденты уверяют, что с таким представителем национальной культуры интереснее дружить. На практике это ни в чем не выражается. Никто из респондентов не проникся глубоким интересом ни к какой чужой культуре, и в личной дружбе, остающейся актуальной, знание или незнание другим его культуры значения не имеет.

“Дружба народов” перестала функционировать как ассимилирующий механизм. И в Российской империи, и в Советском Союзе всегда присутствовала установка на ассимиляцию. Причем в случае идеологемы “дружба народов” предполагалась ассимиляция именно с задаваемой ею самой системой мировоззрения, с одним из аспектов русской имперской культуры, а не с действительно народными корнями аутентичной культуры русских. С исчезновением данного аспекта русской имперской культуры осталась (кроме высокой русской культуры, принятие которой происходило естественным образом) только низовая русская культура, об ассимиляции с которой ни в какой период жизни России речи не шло. Поэтому совершенно закономерно молодые русские респонденты ставят под вопрос необходимость ассимиляции, необходимость единых этических ценностей и системы воспитания детей. Под вопросом стоит и идея патриотизма. Следует отметить, что в Советском Союзе острое национальное чувство у русских было редкостью, детей воспитывали в духе интернационализма, под лозунгом “лишь бы человек был хороший”. С разрушением прежней идеологической системы русские в большинстве своем стали испытывать довольно острое национальное чувство, далеко не всегда привязанное к знанию русской культуры (которую большинство продолжают знать только на поверхностном уровне), а являющееся компенсацией потери наднациональной идеи. Таким образом, русский национализм либо выражается в крайних формах, либо, по старой памяти, ведущей свое происхождение от “дружбы народов” с ее компромиссами, системой политеса и полутонами, считается чем-то не совсем приличным даже среди части молодежи. Отсюда призывы к его максимально возможной толерантности.

При этом самооценка русских повышается, и чтобы принимать представителя национального меньшинства за русского (такая точка зрения была ранее широко распространена, поскольку “русский” подменялся “советским”, а в имперские времена говорили “русский, такого-то происхождения”), то есть за полностью “своего”, выдвигаются трудновыполнимые условия. А значит, и ассимиляция оказывается тем более затруднительной.

Представления об отношениях с народами Российской империи или СССР, их организации вокруг себя и себя самих в окружении этих народов практически никак не коррелируют с представлениями о народах РФ и СНГ, об организации этих народов вокруг себя и о себе в окружении этих народов. Даже стремление собрать их вокруг себя, воссоздать империю, которое присутствует и в блоке о современном состоянии межнациональных отношений, объясняется не ощущением миссии, возложенной на русских, а стремлением к многообразию, к тому явлению, которое обозначено катего-

рией “желающие жить в многонациональном окружении” и ее подкатегорией “предпочитающие разнообразное государство”.

Несмотря на желание большинства респондентов жить в многонациональном государстве и расширять его, делая еще более многонациональным, практически не просматривается категория “живущие в поле выполнения миссии”. Зато категория, слабо наполненная в историческом блоке, – “живущие с народами, имеющими значение”, – теперь, во всяком случае, на теоретическом уровне, выходит на первый план и становится одной из краеугольных. Усиливается значение категории “присоединяющие народы ради углубления собственной культуры”, которая в историческом блоке также слабо наполнена, а в современном – пусть на теоретическом уровне – выражает себя в многочисленных категориях: “приемлющие национальные землячества”, “приветствующие национальное разнообразие практически”, “желающие национального своеобразия в воспитании”, “желающие культурного многообразия ценностей”, “радующиеся знанию другой культуры”. Появляются категории, касающиеся национального самоощущения русских и русского национализма, который, однако, по мнению большинства респондентов, должен быть терпимым к другим народам, что, по моему мнению, является проекцией на современную реальность категории “воплощающие дружбу народов”.

Категории, выделенные в историческом блоке и характеризующие бытовой план отношений, а именно – “воплощающие дружбу народов”, “распространяющие свою культуру”, “полагающие, что с ними рядом хорошо”, – отчетливо коррелируют с современными категориями “желающие жить в многонациональном окружении”, “дружащие с представителями других народов” (что в совокупности можно определить как “строящие личные отношения на основе дружбы народов”), “приветствующие национальное разнообразие практически”.

Параллельно появились такие ранее не выделенные категории, как “предпочитающие монолитное государство”. Тут единственная новая характеристика по отношению к историческому блоку – категория “затрудняющие процесс ассимиляции”, то есть процесс признания представителя национального меньшинства “своим”. В остальном этот блок, включающий категории “считающие патриотизм обязательным”, “приветствующие национальное разнообразие только теоретически”, “соглашающиеся на ассимиляцию”, “желающие ассимиляции в ценностном аспекте”, представляет собой оборотную сторону категории “дружба народов”, если вместо категории “русский” использовать категорию “советский”.

Выше было показано, что присутствует достаточно заметная корреляция между системой отношений с народами на прошедшем этапе истории и современными международными отношениями, то есть определенный единый принцип организации русскими народов вокруг себя как значимых других, если сопоставить категории “живущие в поле воплощения миссии”, “наполняющие миссию содержанием” и “выносящие миссию вовне”. Коррелируют между собой категории “воплощающие дружбу народов” и “созначающие ради миссии”, совпадают категории “осуществляющие покровительство” и “имеющие обязанности перед другими народами”.

Всех этих вышеперечисленных категорий в блоке, относящемся к межнациональным отношениям на современном этапе, как будто бы нет (если не учитывать некоторые существующие на бытовом уровне подкатегории “воплощающие дружбу народов”, а также возвращение категории “выносящие миссию вовне”), но тут требуется более детальный анализ. Например, я отнесла обязанность помощи государствам СНГ к рудиментам исторического блока, но – как знать – это может быть и нарождающаяся тенденция.

Зато можно отметить соответствие между категориями “предпочитающие разнообразное государство” и “борющиеся за многополярность”, категориями “определяющие поле внешней миссии” (которая касалась проблемы зон влияния) и “стремящиеся к воссозданию империи” и категориями “признающие чужую миссию” и “радующиеся к знанию другой культуры”, “признающие ценность чужой культуры”, “признающие

землячества” (обособление от русской культуры). В свою очередь, категории, концентрирующиеся на прагматической миссии, соответствуют категории “предпочитающие монолитное государство”, поскольку и то и другое вытекает из категории “строящие многонациональное государство, основанное на выгоде”.

В обоих случаях нельзя говорить, что одна категория влияет на другую, они складываются параллельно, как новое веяние в российской действительности. Тем не менее представляется, именно категории внешней политики как более рукотворные, будут оказывать влияние на категории межнациональных отношений как более стихийные.

Что касается первых, то в них в последнее время все отчетливее звучит категория “стратегическое партнерство”, особенно по отношению к ряду европейских стран. С одной стороны, начинают осуществляться проекты, общие с НАТО, такие как афганская миссия. С другой стороны, не исключено появление категории “наднациональная задача” – в рамках треугольника Россия–Франция–Германия. Это, в свою очередь, может развернуть категорию “миссия, вынесенная вовне” к категории “миссия, возвращенная вовнутрь”.

Эти замечания можно рассматривать как предварительные наблюдения. Работа по непосредственному связыванию категорий и установлению их иерархии относится к осевому и избирательному кодированию, что представляет собой следующий этап исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лурье С.В. “Дружба народов”: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2005.

Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // *Социология и социальная антропология*. 2010. № 2.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М., 2001.

Voesh E.E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin–Heidelberg–New York–London, 1991.

© С. Лурье, 2012